

Вэй Юань и Цзи Лючэнь переглянулись, нахмурившись: «Мы уехали из Чжуиня три дня назад. Сначала заехали в храм Цзюэми, настоятель сказал, что вы в Ичжоу, вот мы и свернули туда.»

Цзи Саньмэй усмехнулся про себя. Он так и думал: как только Вэй Юань с Цзи Лючэнем уедут, они обязательно вернут его в Чжуинь, чтобы как следует разобраться в событиях прошлого.

Едва они покинули Чжуинь, как Дин Шию свалился с лошади. Если это падение не было случайностью, то заговорщик, скрывающийся в тени, действовал без усталости и весьма эффективно: сначала Ичжоу, потом Чжуинь, шаг за шагом, слой за слоем, раскрывая перед Цзи Саньмэем события, связанные с его прошлым. И что же этот тип в конце концов задумал?

Ван Чуаньдэн, глядя на свою руку, запачканную печатью призрака, равнодушно встряхнул ею: «Днём встретить призрака, да ещё и с плотью, — значит, в городе притаился злой дух. Эти раненые души могут принимать облик, лишь питаясь силой того злого духа.»

Чанъань поднял руку и искренне спросил: «Какой злой дух?»

Ван Чуаньдэн вытер грязную руку об край своей одежды, а другой рукой ущипнул Чанъаня за щёку: «Малыш, спроси у своего учителя.»

Чанъань кивнул и послушно обратился к Шэнь Фаши: «Учитель, что за злой дух?»

Шэнь Фаши, конечно, тоже не знал. И эта неизвестность нависла тяжёлой атмосферой над группой, когда они двинулись к дому Цзи.

Шэнь Фаши спросил Цзи Саньмэя: «Как думаешь?»

Цзи Саньмэй ответил: «Погиб от падения с лошади, без языка? И как он так упал, чтобы язык себе откусить с корнем?»

Дом Цзи находился в западной части города. Войдя через западные ворота, они не встретили никого, кроме того призрака. Остальные лишь издали пошептывались, глядя на лицо Чанъаня.

Так и было условлено перед входом в город: пусть Чанъань идёт с лицом Цзи Саньмэя напоказ. Тогда семьи в городе обязательно узнают, и у кого будут подозрительные движения — с тех и начнём копать.

Вэй Юань, естественно, не пошёл с Цзи Саньмэем и остальными в дом Цзи. Когда он постучал в ворота дома Вэй, Ван Чуаньдэн подошёл к нему сзади и сказал: «Можно я зайду к вам?»

Вэй Юань покосился на него, посторонился и пропустил его вперёд.

Ван Чуаньдэн низко поклонился и, согнувшись, вошёл внутрь.

Цзи Саньмэй смотрел ему вслед с лёгкой сложной гаммой чувств.

В его отрывочных воспоминаниях Ван Чуаньдэн много лет не женился. Все мало-мальски знатные семьи в Чжуине боялись выдать за него дочерей — как бы вместо зятя не заполучить самого Янь-вана.

Но, учитывая молчаливость Ван Чуаньдэна на протяжении всего пути, Цзи Саньмэй начал подозревать нечто куда более интересное.

С вопросом «Кого же, чёрт возьми, любит господин Чуаньдэн — старшего Вэя или младшего?»

Цзи Саньмэй вместе с Шэнь Фаши вошёл в дом Цзи. Ворота закрылись, и каждый занялся своим.

Тем временем за воротами город уже бурлил слухами. И все они крутились вокруг одного человека, но это был вовсе не Чанъань с лицом Цзи Саньмэя, а —

«Сумасшедший из семьи Шэнь вернулся!»

Слухи пока не просочились за стены дома Цзи, поэтому обе семьи могли спокойно заниматься своими делами.

Вся обстановка в доме не изменилась по сравнению с памятью Цзи Саньмэя, только все вещи покрылись налётом восьми с лишним лет, стали серыми и потускневшими.

Под руководством Цзи Лючэня Шэнь Фаши и Чанъань прошли во внутренний двор дома Цзи, сложили монашеский посох и багаж. Похоже, они решили остановиться здесь, а не возвращаться в дом Шэнь.

Цзи Лючэнь, как хозяин, разместив гостей, тут же выскочил из заднего двора — искать своего старшего брата.

Цзи Саньмэй сидел на белой яшмовой ограде у пруда с карпами и молча наблюдал за рыбами.

Цзи Лючэнь смотрел на Цзи Саньмэя преданными щенячьими глазами, невидимый хвост вилял у него за спиной: «Старший брат, я хорошо вырастил карпов в пруду.»

Цзи Саньмэй тоже это заметил. Рыбы разжирели на радость: с десятков карпов, ставших вдвое крупнее прежнего, лениво плавали в воде, растеряв всю изящную стройность мальковых лет.

Когда Цзи Саньмэй бросил в воду горсть отрубей, они даже бороться за еду не стали — просто белесым комом сбились в кучу.

Сотни лет остановившегося пути к бессмертию превратили многих отпрысков знатных семей в никчёмных бездельников — прямо как эти карпы, что жмутся друг к другу, деля крохи с барского стола, и благополучно доживают свой век.

Цзи Лючэнь, увидев слегка угрюмое выражение лица Цзи Саньмэя, почувствовал лёгкую щемящую боль: «Старший брат, о чём ты думаешь?»

Цзи Саньмэй вздохнул: «Среди всех этих никчёмных сладостей я смог выбрать моего Шэня. Это же надо — какой вкус, какая прозорливость! Как думаешь?»

Цзи Лючэнь уверенно кивнул: «Старший брат всегда прав.»

Вэй Юань, только что введённый в дом слугой, невольно подслушал этот разговор. У него заныла голова.

...Два идиота.

Вэй Юань закатил глаза и свернул во внутренний двор, где увидел Чанъаня, стоявшего лицом к солнцу и сосредоточенно дышавшего.

Увидев Вэй Юаня, Чанъань любезно предложил: «Поедим вместе?»

Вэй Юань, лишь взглянув на это лицо, точь-в-точь как у Цзи Саньмэя, почувствовал, как у него скрутило желудок, и тут же отказался: «Не надо. Шэнь Фаши внутри? Мне нужно с ним поговорить.»

С прошлого вечера Цзи Саньмэй и Шэнь Фаши, словно срослись, не разлучались. Из-за Цзи Саньмэя, который вечно вертелся под боком, Вэй Юань так и не смог как следует расспросить Шэнь Фаши.

Восемь лет назад, в день, когда Цзи Саньмэй умер от яда, Вэй Тин внезапно исчез из Чжуиня. Вэй Юань имел все основания подозревать, что его младшего брата увёл с собой притворившийся мёртвым Цзи Саньмэй.

Вэй Тин был мягким, добрым и послушным. Если Цзи Саньмэй сказал бы ему куда-то пойти, он бы без вопросов последовал. А после своей мнимой смерти Цзи Саньмэй мог отправиться только к Шэнь Фаши, который в то время был заперт в Линтине.

Восемь лет назад, когда Шэнь Фаши вернулся в Чжуинь, Вэй Юань хотел разузнать у него, не встречал ли он Цзи Саньмэя и Вэй Тина, но тогда он... лучше не вспоминать.

Позже Шэнь Фаши бесследно исчез из Чжуиня, и никто не знал, где он. Даже Вэй Юань не мог предположить, что Шэнь Фаши ради этого Цзи отрёкся от мира, ушёл в монахи и стал проводить дни в обществе масляной лампы и древних сутр.

Услышав просьбу Вэй Юаня, Чанъань покачал головой: «Нет, учитель отдыхает. Никто не может войти, даже младший брат.»

— Отдых подождёт! — вспыхнул Вэй Юань. — Мне нужно увидеть его сейчас же!

Чанъань оглядел Вэй Юаня с ног до головы и доброжелательно сказал: «Не заходи. Тебя убьют.»

Хотя эти слова звучали как откровенная провокация, Вэй Юань вспыхнул, оттолкнул Чанъаня, шагнул вперёд — и тут же носом ткнулся в невидимый барьер. Его прямой нос беззащитно принял на себя весь удар. Боль заставила его согнуться и присесть на корточки, свернувшись калачиком у ступенек.

Чанъань с сочувствием ткнул его в спину: «Ты в порядке?»

Вэй Юань: «...»

Чанъань: «Видишь, ты даже не вошёл, а уже пострадал.»

Вэй Юань: «...»

Чанъань: «Если войдёшь, учитель и правда тебя прибьёт. Я не шучу.»

Вэй Юань, лелея мечту придушить этого идиота, медленно поднялся и молча побрёл прочь.

Проходя мимо пруда с карпами, он услышал голос Цзи Саньмэя: «О, Юань.»

Вэй Юань, стиснув зубы, процедил: «Проваливай.»

Восемь лет назад Цзи Саньмэй увёл его брата, а теперь он даже имя Вэй Тина забыл.

И главное: Цзи Саньмэй восемь лет назад наверняка умер — иначе как бы он переродился в эту штуковину? Но что же тогда с его братом?

С тем, кого он растил и лелеял, за кого сердце болело? Который, словно обезьяна, дрался с яо на арене, потешая знатных господ, лишь бы заработать денег и прокормить их обоих?

Цзи Саньмэй же Вэй Тина отродясь не помнил и потому не чувствовал перед Вэй Юанем ни капли вины. Услышав его чёткий и ясный окрик, он тут же изобразил страдальцу, прижав руки к сердцу: «Ай-яй, Юань велит мне уйти! Как же мне больно!»

Вэй Юань: «...» Такой театральный Цзи Саньмэй вызывал у него непреодолимое желание дать ему по щам.

<http://bllate.org/book/16281/1466341>